

ИСТОРИИ ПОПАДАНЦЕВ

АНДРЕЙ БАСОВ

МАШИНА ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Истории попаданцев

Андрей Басов

Машина исполнения желания

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Басов А.

Машина исполнения желаний / А. Басов —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
— (Истории попаданцев)

"Машина исполнения желаний" – это книга головоломных положений, ситуаций, выпутаться из которых главным героям помогает именно голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять. Герои романа, находясь в стенах особняка, который они называют Домом с большой буквы, проявив своё воображение, при помощи таинственной машины могут вдруг оказаться в сказочном, необычном мире своей мечты. Это книга романтических приключений в мирах пиратов, средневековой сказки, Франции времён Ришелье, Багдада аль-Рашида и Древнего Рима.

© Басов А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

От автора	6
Пролог, год 1975-ый	7
ГЛАВА 1: Принцесса	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Басов

Машина исполнения желания

Фантастический роман

От автора

«Машина исполнения желаний» – это сокращённый вариант трёхтомного романа «Сказки старого дома». Перед вами книга головоломных положений, ситуаций, выпутаться из которых главным героям помогает именно голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять. Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники лёгкой для чтения, сказочной, романтической фантастики, возможно, получат эстетическое удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, обретут ещё и приятные сны. Не удивляйтесь причудливой смеси времён, событий и персонажей. Ведь там об исполнении желаний, а вовсе не о фактах истории...

Андрей Басов

Пролог, год 1975-ый

С сиреной и скрипом тормозов у нашего Дома остановилась большая машина скорой помощи. Врач и санитары с носилками понеслись вверх по лестнице на второй этаж. Все оказавшиеся рядом с Домом мальцы, разумеется, вслед за ними и я в том числе.

– Николая Ивановича убили! – истошно голосит соседка пострадавшего из шестой квартиры. – Ни одного живого места на теле нет.

Что означает «ни одного живого места», мы поняли, когда тело вынесли из дверей. Кровь даже капала с носилок, а лицо обычно весёлого человека под случайно откинувшейся простынёй белое и безжизненное. Прибыла милиция и начала разбираться со всеми, кроме мальчишек. Разбирались долго, но виновных так и не нашли. Не видел и не слышал их никто.

Постепенно сложилась довольно непонятная картина, как мне рассказала мама. Николай Иванович – отставного военного нашла соседка. Проходила по коридору и услышала необычный шум и грохот в комнате жильца. Постучала раз, другой. Никто не отвечает. Дверь заперта изнутри на задвижку. Но такие задвижки только двинь и отлетают враз. Двинула и вошла. Человек в луже крови и поваленная мебель. Видимо, он пытался удержаться на ногах, хватаясь за что попало. По крови и дыркам на одежде ясно, что не сердечный приступ. Больше никого нет, никаких выстрелов не было слышно и оружие рядом не валяется. Понятно, что в таком состоянии он не мог прийти в квартиру и в него стреляли прямо здесь. Позже из тела извлекли чуть ли не десяток пуль. Но кто стрелял, из чего и как исчез из комнаты?

Эти вопросы так и остались без ответа. Николай Иванович молчал. Он всё-таки выжил. Месяца через три его выпустили из больницы. Поначалу ходил медленно и осторожно. Потом постепенно ожил и повеселел, как и раньше. Через полгода после больницы он неожиданно съехал из Дома, никого не предупредив, и совсем не милиция появилась зачем-то разбираться с его отъездом. Вроде бы он отбыл слишком поспешно, налегке и даже со службы не уволился.

Мама говорит, что во время ранения он был одет в военную форму. В общем-то для отставника это не удивительно, но вот форма была офицерская, с погонами, но не советская. Чьей принадлежности неизвестно и пули в теле от оружия неизвестного происхождения...

ГЛАВА 1: Принцесса

Я недавно вернулся из Парижа двадцатых годов, где наше чудо несказанное – амазонки Древнего Рима устроили погром в одной из местных банд. И чего эта публика парижского дна цепляется к девочкам, которые сами никого не трогают, если их не провоцировать? Ну, понятно, что против такой прелести равнодушно не пройдёшь, но меру-то назойливости всё же нужно понимать. Э-эх, я и сам к ним неравнодушен, правда, не в сексуальном плане. Они нам, как члены семьи, создавшейся стихийно в далёком времени из фантазии одного из нас. Пожалуй, пора рассказать об этой необычной и многообразной мечте, обрётшей непостижимым путём совершенно материальные формы. Для меня в Доме, как мы его зовём по имени, словно живое существо, всё завязалось полтора года назад совсем не с амазонок.

Обычно чужие жизнеописания читать скучно. Поэтому я не буду ими сильно обременять. Но хоть что-то ведь нужно же знать о действующих лицах. Нас немного – всего пятеро. Но каждый играет важную роль в событиях очень разных и сильно зависящих от характеров участников.

Наш Дом – это старый, четырёхэтажный особняк на Сергиевской улице с «барской» парадной и двумя дворовыми флигелями. Как ни странно, но, наверное, одним из самых интересных и колоритных обитателей нашего Дома является дворник – татарин Ахмед. Одинокий, добрый и сговорчивый, с лицом то ли оперного злодея, то ли киношного ордынского хана. Однако когда узкая бородка и усы расплываются в улыбке, то добрее лица, пожалуй, и не сыщешь. Он уже старик и, наверное, всю жизнь провёл при Доме.

Анна Петровна. По всему видно, что в своё время она была редкой красавицей. Даже сейчас трудно оторвать взгляд от её необычного лица и пронизательных глаз. Загадочная личность. Даже для моей мамы и бабушки. Анна Петровна явно старше мамы, но, кажется, что и намного младше бабушки. Однако о прошлой жизни Анны Петровны ни та, ни другая ничего не знают. Анна Петровна уже была здесь, когда наше семейство вселилось в Дом. Нельзя сказать, что Анна Петровна замкнута и необщительна. Совсем нет. Она служит переводчиком в каком-то издательстве и хотя бы в силу работы не может быть не общительной. Я не раз видел её и маму стоящими на лестничной площадке или на улице и о чём-то оживлённо болтающими на немецком языке. Другое дело, что, наблюдая Анну Петровну, чётко чувствуешь дистанцию, границу которой не следует переходить ни в разговорах, ни в поползновениях на поступки. Если Анна Петровна никогда и никого не приглашает к себе, то не следует и её приглашать никуда. Вежливый, но категоричный отказ заведомо предскажем.

Правда, живут в нашей «барской» парадной и люди, которых Анна Петровна всё же изредка достаивает краткими визитами. И один из них...

– Чёрт, что вам надо!?

Резкий рывок за рукав остановил меня, как только я взялся за ручку двери нашей парадной.

Двое здоровых парней со шпанскими рожами и претензией в одежде на гангстеров банды Аль-Капоне. Таких в последнее время развелось, как собак нерезаных. Правда тряпки никак не скрывают плебейских манер и привычки к беспричинному мордобойю всех встречаемых и поперечных.

– Пацан, закурить не найдётся? – проникновенно интересуется вставший ко мне лицом к лицу.

Другой чуть сбоку продолжает удерживать меня за рукав. Наверное, чтобы я внезапно не дал дёру, пока они не выяснят этот вопрос. Надо же, и это среди белого дня!

– Извините, ребята, – не курю, – сглотнув, вдруг что-то вставшее в горле ответил я.

– А если обобщем? – последовал ожидаемый вопрос от того, что спереди.

– Сеня, ты посмотри там, а то у нас с тобой никак и на метро пяточка нету, – как эхо послышалось с фланга.

– По нынешним временам в метро пяточком не отделаться, – тяжело вздохнул Сеня, – Давай-ка, пацан посчитаем в твоём кошельке сколько нам на метро не хватает...

И вдруг Сеня начал почему-то неожиданно вытягиваться на цыпочки, хрипя и вертя головой во вдруг сдавившем шею гангстерском шарфе. Его приятель отцепился от моего рукава и тоже, как-то странно булькая ртом, почти повис в чьей-то мощной длани, сжавшей ворот пальто. Капитан!

– Эй вы, комедианты, ещё раз увижу вас на нашей улице, и словесным внушением не отделаетесь!

Незадачливые грабители, отлетев в сторону, поспешно ретировались, разминая пострадавшие шеи.

– Смотри-ка, Серёжа, сколько их развелось. Прямо-таки напасть какая-то. А может быть, эпидемия такая появилась? Это же надо, среди лета ходить в чёрных пальто до пят. Признак болезни? Ты домой? – спросил Капитан. – Ко мне заглянешь?

Капитан дальнего плавания. Никто не зовёт этого крепко сбитого, почти пятидесятилетнего мужчину с волевыми чертами лица по имени и отчеству. Для всех он просто Капитан, а для меня ещё и сосед по лестничной площадке. И не видно, чтобы такое не очень церемонное обращение его как-то возмущало или хоть сколько-нибудь расстраивало. Даже со стороны мальчишек, к числу которых относился и я, казалось бы, совсем недавно. Иногда, когда Капитан дома, мама приглашает его к нам пообедать или просто посидеть и поболтать о чем-нибудь. На что он всегда с удовольствием соглашается.

Капитан всегда где-то далеко и оказывается дома лишь три-четыре раза в год на неделю-две. Он привозит с собой очередные диковинки дальних стран, и это служит поводом без особых сомнений, по-соседски заглянуть к нему на огонёк. Две вместительные смежные комнаты заставлены и завешены всякими чудесами. Тут и старинные навигационные инструменты. И чучела неведомых рыб. И ритуальные маски колдунов и шаманов разных стран. И старинные карты, карты, карты с необычными очертаниями материков и тонкими рисунками парусных кораблей, стихий и морских чудовищ.

Учитель. Ну, конечно же, для кого-то он и учитель, раз преподаёт в школе русский язык и литературу. Для нас же он просто сосед из квартиры выше этажом. Александр Басков тридцати с небольшим лет. Учитель – это его как бы краткий псевдоним, прозвище в нашем Доме. У Александра есть близкий друг. Художник-сюрреалист Игорь Тюльпанин. Так что все стены в комнате Александра увешаны картинами довольно странного, неправдоподобного содержания, но вместе с тем удивительной и притягательной красоты. Я часто сижу среди этого колоритного великолепия и молча созерцаю просто фантастические сюжеты. А Александр тем временем корпит над ученическими тетрадями или пишет что-то своё.

Технар. Это я. Благополучно состоявшийся в Электротехническом институте инженер-технолог переступивший двадцатипятилетний жизненный рубеж. В НИИ, куда меня распределили, звёзд с неба ещё не нахватал, но и пренебрежения со стороны коллег не ощущаю. Скорее даже обрёл некоторое базовое уважение за быструю сообразительность и любовь к логическим построениям. Дома я счастливый обладатель каморки три на пять метров с окнами во двор. Мне её уступила бабушка, поменяв свои хоромы на мою койку в маминых двухкомнатных апартаментах. Подарок к окончанию института. Живу, не глядя в зеркало. Не очень мне нравятся черты лица под аккуратной стрижкой почти чёрных волос. Слишком уж какие-то правильные. Совершенно никакой мужественности в облике и серых глазах.

Да, умею немного рисовать. Поэтому всегда таскаю с собой потрепанный блокнот и мягкий карандаш. Иногда, чуть ли прямо не на ходу делаю напоминающие о людях и событиях зарисовки. Больше ничем примечательным я себя не запятнал. Так что следовало бы перейти к описанию других жителей Дома, включая родных, но в этом нет смысла. В дальнейших событиях они прямого участия не принимают.

Когда начались для меня все сказочные и фантастичные события? Трудно сказать. То ли полтора года назад, то ли очень давно – ещё в детстве. Нет, всерьёз, пожалуй, началось не так уж давно. Мы с Александром сидели у Капитана, медленно потягивая из бокалов настоящий трёхлетний портвейн восемьдесят седьмого года из всамделишной Португалии. Как-то сам собой разговор коснулся так и неразгаданной тайны бесследного исчезновения из Дома отставного военного пятнадцать лет назад.

– Анна Петровна как-то обмолвилась мне, что это не единственное исчезновение, – просветил нас Капитан. – До этого примерно в то же время испарилась ещё и студентка Института культуры из восьмой квартиры. Пришла домой и из своей запертой изнутри комнаты больше не вышла. Её хватились только осенью, когда из института пришли узнать, почему она не ходит на занятия, а соседи по коммуналке даже и не обеспокоились её отсутствием.

Александр понимающе хмыкнул, обменявшись быстрым взглядом с Капитаном. Слышал я уже эту историю. Мама рассказывала. Но с чего бы это мои собеседники так таинственно переглядываются? Знают ещё что-то интересное? Сейчас я их раскручу!

– Да, мне мама как-то говорила об этой студентке, но это ведь не все таинственные дела, которые происходят в нашем Доме и даже прямо у меня на глазах в нашей же с вами компании.

Оба моих собеседника сразу как-то напряглись и вопросительно уставились на меня.

– Что это ты имеешь в виду? – кашлянув, словно у него что-то застряло в горле, спросил Александр.

– Что-что? Вот напротив меня сидят двое мужчин в полном расцвете сил и оба почему-то не только не обременены семьями, но и вообще нет никаких признаков присутствия вблизи от них каких-либо женщин, с которыми они могли бы связать свою судьбу. Странное явление не находите ли?

– И что тут странного? – с явным облегчением ответил Капитан. – Мало ли таких чудак на свете?

– Немало, но сразу двое в одном месте и в дружбе, несмотря на разницу возраста, интересов и профессий, что выглядит как-то подозрительно. И я почему-то оказался в вашей компании, хотя по годам мне примыкать к вам вроде бы рановато. Беспокойно мне. Вдруг ваше чудачество заразно.

– Заразное? – расхохотался Капитан. – Уж что мы с Александром любим в тебе, так это твои остроумные и неожиданные шутки. А ещё твою любознательность и не по возрасту развитую сообразительность.

– Это у него от мамы, – подсказал Александр. – У неё кругозор и эрудиция необыкновенные. Щедро поделилась со своим чадом. Капитан, вы, когда опять в плавание?

Вот же жулик! Пытается увести разговор в сторону. Не дам!

– Саша, нехорошо увливать. О чём-то вы с Капитаном избегаете говорить, и это связано со странностями, происходящими в нашем Доме. Может быть, и с вами происходит что-то ненормальное. Я и сам иногда ощущаю нечто пугающее и трудно описуемое, но что это не понимаю и никому не говорю. Ещё за психа сочтут.

– Ну-ка, ну-ка, выкладывай всё как на духу, – сразу же вцепился в меня Капитан, опять переглянувшись с Учителем. – Вдруг мы тебя и излечим от страха. Твоя тайна здесь и останется.

Немного помявшись, я всё же решил открыться. Вдруг и с ними бывает то же самое. Беспокоит меня это иногда.

– Ладно, скажу, но только не смейтесь. Люблю вот помечтать время от времени о чём-нибудь сказочном и красивом, уже забравшись под одеяло, чтобы увидеть это во сне. Не получается. Чувствую, что словно проваливаюсь или взлетаю куда-то в серую мглу без видений. Сердце замирает на мгновение и такое чувство, словно вот-вот совсем остановится. Я пугаюсь, раскрываю глаза, и полёт со страхом сразу исчезают. Снова закрываю глаза и уже без всяких мыслей проваливаюсь в обычный сон. А сердце-то у меня ведь в абсолютном порядке и на мозги я тоже не жалуюсь. Что это такое? Не приходят ко мне сказочные сны, как я ни стараюсь, хоть ты лопни.

– Сердце тут совсем ни при чём, – после солидной паузы промолвил Александр. – Капитан, неужели ещё один кроме нас с вами и Анны Петровны с Ахмедом?

– Кто его знает! Сергей, и давно это у тебя?

– Первый раз я это ощутил, когда мне было лет десять-двенадцать. И что значит «ещё один кроме нас»?

– То и значит, что ничего ещё не значит. Явление интересное и пугаться его не надо. Это Дом на тебя так действует и больше ничего мы с Учителем тебе пока говорить не будем. Сделай вот что. Когда опять сильно захочется помечтать, то не сопротивляйся тому, что будет происходить. Выдержи до конца и тогда мечта может и покажется. Если что-нибудь вдруг не так, то просто подумай о нашем Доме. Это проза, в которую ты и вернёшься. Потом расскажешь нам, чем твой эксперимент окончится. Тогда и все разговоры. Договорились? Вот и хорошо. Допиваем портвейн и вы разбегаетесь, если не пожелаете помочь мне стирать пыль с моей коллекции.

Мы с Александром оглянулись на полки, стены и шкафы, и пожелали побыстрее смыться из этого музея. Что-то они оба знают о странных событиях в Доме и со мной. А, может, просто дурачат меня?

Вечер после ужина – у нас в семье традиционно самое подходящее время для чтения. Для тех, кто дома, разумеется. Кроме телевизора, конечно, затмевающего любые культурные традиции. Я дома, но углубляться в литературу и скуку ТВ что-то не тянет. Машинально рассматриваю свои полиграфические богатства на книжных полках. Здесь вся красота развлекательных и познавательных книг от первого класса школы и до совершенно случайно вчера приобретённого сборника фантастики братьев Стругацких.

Провожу пальцем по корешкам. Всё вперемешку. «Витя Малеев в школе и дома», Маршак, а рядом Вальтер Скотт. «Приключения капитана Врунгеля», а рядом томик Стендаля. Рей Брэдбери, а рядом... Как раз то, что нужно сейчас. Вытаскиваю на свет сказки Андерсена в красочной глянцевой обложке. На картинке краешек леса небывалой красоты, юная принцесса с маленькой, золотой короной на белокурых волосах, парочка гномов и вдалеке на пригорке миниатюрный замок с башенками и красными остроконечными крышами. С каким-то детским восторгом с минуту разглядываю изображение. Попробовать помечтать? Чувствуя себя последним идиотом, закрываю глаза и, представляя в мыслях этот сказочный сюжет, стою неподвижно минуты две.

Ничего не происходит. Ну, совсем ничего! Вот простофиля! Надо же купиться так бездарно на, в общем-то, прозрачную подначку Капитана. И ведь не в первый раз, но сегодня они уже с Александром явно сговорились разыграть меня. Хотя тут же соображаю, что эксперимент проведён не чисто. Картинка – это чужое воображение, а мечта, наверное, непременно должна быть своя собственная.

Чувствуя себя уже дважды последним идиотом, опускаюсь в кресло, закрываю глаза и начинаю строить свою картинку. Тоже лес неподалёку, но не замерший, как на картинке, а полный звуков и с деревьями, шевелящими листвой. Бесконечное поле травы и полевых цветов, колышущихся от лёгкого ветерка. Стрёкот и жужжание. Запах разогретой земли и растений. Голубое небо в редких облачках и слегка припекающее солнце. Журчание ручейка и он сам, извилистым путём пробирающийся среди бугорков и редких камней...

Возникло знакомое, давнишнее ощущение потери опоры и движения вверх. В голове мелькает паническая мысль о высоте третьего этажа, с которой можно сверзиться вниз, потеряв пол под ногами. Всё равно глаза не открою раньше времени! А когда будет «не раньше времени»? Уже не пойму, в воображении или в натуре слышу стрёкот и жужжание насекомых и плеск ручейка. Дуновение тёплого ветра шевелит волосы. Но ведь ветра-то не может быть в комнате! Значит, пора. Медленно, с каким-то трепетом открываю глаза.

Сижу на пятой точке среди травы и с книгой Андерсена в левой руке. Трава выше головы, и обозрению открываются лишь голубое небо и верхушки деревьев леса. Кладу книгу рядом с собой и приподнимаюсь на колени. Действительно, лес рядом, холмистое поле до горизонта, ручеёк в двух шагах и низко над землёй вечернее солнце. Но ни принцессы, ни замка – не придуманы. В полном обалдении протягиваю руку и срываю синий колокольчик. Стараюсь понять произошедшее. Да, действительно, Дом у нас какой-то небывалый. Неужто не ввали? Как говорил Александр? Нужно чётко его себе представить.

Ой, что это я сделал? Опять мгновение серого тумана – и я оказываюсь в своей комнате, стоя на коленях рядом с креслом. Книги же Андерсена при мне нет. Интересная картина открылась бы кому-нибудь внезапно вошедшему в дверь. Великовозрастный оболтус стоит на коленях посреди помещения и взглядом душевнобольного изучает полевой колокольчик в судорожно сжатом кулаке. Так ошарашенно и стоял несколько минут на коленях, пытаюсь безуспешно осознать произошедшее. Ясно одно – нет тут ни чьих-то шуток, ни объяснения события и вообще этого не может быть, потому что быть не может. Зато есть желание нырнуть поглубже в это «не может быть». Материализация мыслей? Мой рационализм и физика, как наука посрамлены за несколько минут. Место опасений и недоверия заместил неуёмный зуд любопытства.

Всю последующую неделю вечерами разрабатываю план мероприятий следующего эксперимента. Капитан отбыл в голубые дали. Александр озабочен экзаменами в школе. Хотя при мимолётной встрече на улице он всё понял по моей физиономии, сочувственно дружески подмигнул и посоветовал учитывать, что когда я погружаюсь в мечту, то никто меня здесь видеть не будет. Понятно. Отставной военный и студентка ушли в свои грёзы, исчезнув отсюда и что же это за неслыханное явление в нашем Доме и только ли в Доме? В общем, подробно посоветоваться сейчас не с кем.

Первым делом нужно на выходные сплавить куда-то маму и бабушку. Это развяжет руки в плане времени незаметного отсутствия. Мелькает мысль, что одиночество Капитана и Учителя намеренно ими поддерживается, чтобы иметь хотя бы относительную свободу исчезновений. Да, если с ними происходит то же самое. У меня такой свободы нет совсем.

С проблемой я справился, подговорив маминого брата. Он даже не поинтересовался, с чего бы это у меня вдруг возникла такая трогательная забота о близких родственниках. У дяди неплохая дачка на Финском заливе, и он, не раскрывая моего заговора, согласился умыкнуть маму с бабушкой на выходные.

Теперь нужно решить, что воображать. Природа уже есть. Какую придумать принцессу и что из этого выйдет? Замок или город? Уйма вопросов и проблем, которые нужно решить заблаговременно. Однако ведь это глупо пытаться планировать и решать сказку для души как научный эксперимент. Ни сказка, ни романтика не терпят детальной мелочности и исследо-

вательского цинизма. Если я буду разрабатывать технологию приключения, то это уже не будет приключением. Решено! Генерирую просто образ мира, и дальше всё по обстоятельствам. Уж как получится. Наверное, главное – это первый момент. Нужно включить сам мир и хотя бы основных действующих лиц. Там уж пусть они поступают, как сами захотят. Здесь сложностей нет. Пока нет.

А вот на работе большая проблема с Элизабет. В просторечии – Лизой. Но вот только попробуй обозвать её этим простонародным именем! Получишь по первое число. Она мне прошлые выходные уже испортила из-за моей слабохарактерности. Вернисаж, вернисаж! Почти весь день она таскала меня по этому вернисажу, с намёками на приватное продолжение встречи. Верх изобретательности пришлось применить, чтобы избежать такого счастья. Как бы не попыталась испортить мне и эти выходные.

Лиза – сотрудница соседней лаборатории в нашем НИИ. Похоже, что и далеко не дура, как специалист, но настолько заиклена на себе, что жуть. Правда, сразу это в глаза не бросается. Свалилась на меня, как снежный ком. Внезапно оказалось свободной и решила далеко в новых поисках не ходить. Вообще-то она сама по себе внешне совсем не дурна. Фигурка стройная и походка зовущая. Вполне и даже очень сексапильная. Но косметика – это нечто. Никакой меры. Видел я её раз без грима. Вполне и даже весьма привлекательная девчонка ещё меньше тридцати лет, но без косметики – это небывалая случайность. Обычно же – штукатурный кошмар, например, у меня вызывающий ужас и чуть ли не тошноту. А если добавить ещё и тяжёлую смесь нескольких духовых ароматов, то моё сексуальное влечение к Элизабет падает вблизи неё до глубоко отрицательных величин.

Решено! Поговорю с ней круто и бесповоротно. Меня вот принцессы только и ждут, а тут...

– Мама, как избавиться от нежеланной приятельницы, набивающейся в близкие подруги?

– Очень просто, – смеётся она, – женись на другой.

– Да кто меня возьмёт! И физиономия не мужественная, и не атлет, а уж про ноги я и не говорю. Хотя мордашка у меня малость и смазливенькая. Этого уж не отнять.

– Возьмут, возьмут, – улыбается бабушка, оглядывая меня поверх спущенных на кончик носа очков. – Любая принцесса возьмёт.

Я непроизвольно поёжился от неожиданности последних слов.

Утро субботы. Мама с бабушкой отбыли накануне на дачу. Всю ночь ворочался, размышляя о грядущем путешествии в свои собственные, ожившие мечты. Интересно, а чем я там стал бы жить? В сказке моя специальность не нужна. Хотя, с другой стороны, у меня есть руки и знания, чтобы делать полезные машины. Но это хорошо при долгом пребывании. Но не идти же грабить на большую дорогу! Так что проблема денег для расчётов, скажем, за ночлег, еду, одежду в не похожем на наш мире, остаётся висящей в воздухе.

Быстро завтракаю, облачаюсь в почти новый серо-голубой джинсовый костюм и очищаю карманы от подозрительных с точки зрения древности вещей. Ничего более подходящего для средневековья в моем гардеробе нет. Ну, хотя бы носовой платок – всегда и везде платок. Беру с собой блокнот для рисунков и карандаш. С Богом! Встаю посреди комнаты и закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец...

Стою точно на том же месте, что и в прошлый раз. Слева лес, чуть позади ручей, сверху солнце, а впереди всё тот же захватывающий душу слегка холмистый ландшафт. Правда, мизансцена заметно оживилась. Видны обработанные поля и симпатичные домики с хозяйственными пристройками среди этих полей. На самом обширном и дальнем холме раскинулся город, обнесённый крепостной стеной. Отсюда видны даже крыши домов и извилистые линии улиц. Печной дым над крышами...

От города прямо сюда и далее вьётся немощёная дорога с разъезженной колеёй. Неподдалёку на дороге стоит разукрашенная резьбой и золотом темно-красная карета с огромными задними колёсами, запряжённая четвёркой белых лошадей. Двое ливрейных слуг суетятся около неё. Один копается в сундуке, прицепленном позади кареты, а другой проверяет упряжь лошадей.

Это ж надо так глупо недодумать! Совсем упустил из вида, что принцессы-то пешком не ходят! Но я ведь карету не задумывал, а она есть. Стало быть, карету добавил сам Дом. Такое корректирующее обстоятельство очень обнадеживает.

Принцесса стоит вполоборота в пяти шагах от меня и с увлечением листает моего Андерсена, внимательно рассматривая картинки. Я её такой себе и представлял. Белокурый ангел лет шестнадцати-семнадцати в пышном розово-голубом платье с богатой вышивкой, кружевами. Короны почему-то нет. Я сделал шаг, и шелест травы выдал моё присутствие. Ангел обернулась и, прижав книгу к груди, без малейшего признака испуга уставилась на меня голубыми, чуть темнее неба глазами. Есть лишь некоторое удивление при разглядывании моего костюма.

Мне нужно срочно сказать что-то приличествующее случаю. Сдавленно произношу: – Здравствуйте, – и, указывая пальцем на Андерсена, добавляю: – Это моя книга.

Черт, надо же такое ляпнуть самой принцессе! Хотя и ситуация не для дворцового этикета, которого я, кстати, и не знаю. Судя по пониманию в глазах ангела, она не отрицает какого-то моего отношения к книге, но и отдавать её тоже не собирается. Губки сложились в очаровательной улыбке, и мелодичный голосок произнёс что-то совершенно непонятное, но, судя по интонации, вопросительное.

Я просто опешил от неожиданности. Полный провал моей то ли познавательной, то ли романтической миссии! Надо же так опростоволоситься в настолько важном обстоятельстве, что даже сам Дом не решился на корректировку. Принцессы и их подданные не говорят по-русски! Они могут изъясняться на датском, французском, немецком, английском языке, но только не на русском. На русском говорят царевны.

Не дождавшись от меня ответа, ангел резво развернулась, не отпуская книги, подбрала юбки, и совсем не по-королевски стремительно припустила бегом к дороге. Слуги ждали её у кареты, глядя в мою сторону. Добежав, она что-то приказала одному из слуг, указывая на меня. Тот извлёк из кареты какой-то небольшой предмет, поболтал им в воздухе, показывая мне, бросил в придорожную траву и взгромоздился на козлы. Другой слуга помог принцессе сесть в карету, убрал подножку, захлопнул дверцу и вскарабкался на запятки. Карета запыхтела по дороге к городу. Мне только показалось или на самом деле изящная ручка помахала мне из окна кареты?

Какое гнусное фиаско! А так хорошо всё началось. Теперь же понятно, что без знания местного языка мне тут и делать нечего. Может, попробовать хоть как-то исправить ситуацию? Нравится мне здесь! Дом, Дом, где ты, Дом...

Опять я в своей комнате. Глубокий вздох. Снова закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец, РАЗГОВОР, ЯЗЫК...

Вокруг всё, как и прежде. Карета катит к городу почти от того места, где она была, когда я вышел из этого мира минуту назад. Значит, каждый мой визит в этот мир будет непрерывным продолжением предыдущего? Было бы здорово! Хотя вряд ли. Александр сказал, что здесь нет игр со временем. Время дня в нашем мире совпадает со временем дня в воображенном. Только эпохи могут быть разными. Стало быть, если бы я вернулся сюда не через минуту, а через час, то кареты уже не увидел бы. Уехала бы. Получается, что в промежутках между моими визитами здешний мир будет продолжать жить сам по себе. Наверное, не забывая при этом и меня, как прошедшее событие. Сложненько! А где в пространстве может располагаться этот мир, я теперь уже даже и не пытаюсь понять. Не всё ли равно?

Пробираюсь через траву к дороге. Позади в лесу ритмичный стук. Лесорубы, что ли? Как? Рубят мой лес? Возмутительно!

Выхожу на дорогу в том месте, где стояла карета. Рядом в траве валяется маленький, тёмно-синий, бархатный мешочек со шнурком-завязкой. Подбираю. Тяжёленький. С вышитой золотом короной и вязью латинских букв ВВ. Всё, как и должно быть в сказке. Распускаю шнурок и заглядываю внутрь. Ни фиги себе! Примерно поровну золотых и серебряных монет. Всего, наверное, с килограмм, если не больше. Такого богатства я отродясь в руках не держал. Вот так принцесса! Интересно, что это? Королевская компенсация именно за книгу Андерсена или сценарием предусмотрен любой подходящий предлог снабжения деньгами? Ведь я же думал об этом.

Мало сказать, что принцесса очень симпатичная. Всё-таки красавица – сам же придумал! Однако никакого любовного трепета, восторга в отношении её у меня нет и в помине. Мешает понимание неестественности происходящего? Наверное, но всё равно интересно и увлекательно уже сейчас.

Памятуя о сказочных воришках, рассортировываю монеты на золотые и серебряные и распахиваю по разным карманам. Вроде всё. Можно двигать к городу. Идти легко. Тропинка вдоль дороги ровная, и не жарко. Интересно, а в чем здесь меряют расстояния? В футах? В полуметровых локтях? В полётах стрелы или пули мушкета?

Локтей через пятьсот прохожу мимо чистенькой, ухоженной, как на картинке, фермы. Дом и другие строения далеко от дороги, но видно, что там кто-то есть. Через щель изгороди на меня смотрит большая, пятнистая свинья и похрюкивает, моргая маленькими глазками. Галльский петух с высоты забора подозрительно и презрительно обозрел меня правым, а затем и левым глазом. Видимо, угрозы он во мне не разглядел и поэтому решил не тревожить своих хозяев зряшным кукареканьем.

По законам жанра меня вроде бы должна догнать какая-нибудь повозка и подбросить до города. И в самом деле, позади за холмом слышатся постепенно нарастающий скрип и дребезжание какого-то транспортного средства. Останавливаюсь, оборачиваюсь и жду. Телега – не телега. Фургон – не фургон. Что-то похожее на то и другое вместе, нагруженное кучей пузатых мешков, корзинами, бочками и влекомое парой серых, мохнатых, низкорослых лошадок.

На высоком сиденье с вожжами в руках восседает довольно примечательная, немного полноватая фигура. Слегка потрёпанные и испачканные коричневые куртка и широкие штаны явно не характерны для городских франтов. На голове выдавшая виды серая кожаная шляпа с обвисшими полями. А под ней – круглая физиономия сорокалетнего мужчины, обрамлённая аккуратно подстриженной бородкой. В прищуренных черных глазках одновременно благодущие и хитроватость, не очень-то вяжущаяся с общим обликом чуть курносенького простака. Вот если Санчо Пансу снять с осла и пересадить на козлы телеги, то будет довольно похоже.

– Не подвезти ли синьора к городу? – на чистом русском языке послышалось с высот тележных козел.

Ура, сработала корректировка речи!

– Подвезти. Сколько запросишь?

– Ну, пять солентино, – просительно и несколько заискивающе произнёс возница, окинув меня оценивающим взглядом с головы до ног.

Похоже, меня хотят надуть, учитывая мою не типичную для данной местности внешность.

– А сколько это – солентино?

– Солентино – это и есть солентино, – недоуменно отвечает возница, – всегда так было.

Ладно, попробуем подойти к информационно-финансовой проблеме с другой стороны. Я вскарабкиваюсь на козлы и устраиваюсь рядом с подвинувшимся возницей.

– А как выглядит солентино?

Возница старательно роется в кармане штанов и выуживает оттуда потёртую медную монету размером примерно в три копейки советской чеканки. Я, в свою очередь, достаю серебряную и спрашиваю:

– А в этой сколько солентино?

Глядя на мою монету, глаза возницы приобретают мечтательное выражение.

– В этой сто солентино.

– А как она называется?

– Декста.

– А больше дексты есть монеты?

– Есть золотой. В нем десять декст.

– Прекрасно. Декста будет твоей, если по дороге расскажешь о городе, к которому мы направляемся, и его жителях. Я иностранец издалека, и мне всё это очень интересно.

– Иностранец издалека, стало быть... И не запыхавшийся, и без кареты и лошади, и без дорожного мешка. Обычное дело! А рассказать – то почему бы и не рассказать доброму человеку.

А мужик-то не дурак! И к странным явлениям вроде привычный. Тронулись. С высоты козел видно, что дорога как-то весьма и весьма оживилась. Вдали, рядом с городом довольно бурное пешее, конное и колёсное движение в обе стороны. Да и за нами в отдалении тащится пара повозок. Похоже, с дровами из созданного моим воображением леса.

– У тебя имя-то есть? – спрашиваю я возницу.

– Есть. Как же без имени!

– Ну?

– Что «ну»?

– Если и дальше будешь прикидываться глупым, то слезу и поеду с кем-нибудь другим, кто будет поумнее и кому сто солентино нужнее, чем тебе.

Угроза мгновенно сработала.

– Кристофер. Можно просто Крис.

– А меня можешь звать просто Серж.

С этого момента словоизвержения возницы нужно было уже притормаживать, чтобы не утонуть в совершенно лишних сплетнях и бесполезных сведениях.

Крис – возчик из крестьян. В своей деревне он собирает у селян продукты-изделия для отправки в город, а в городе развозит по заказавшим их торговцам. Все довольны. У Криса есть работа, а у селян нет забот с перевозкой своих товаров в город.

Королевство называется Верн. Точно так же именуется и столичный город, к которому мы подъезжаем. Море и порт Верна, скрытые городским холмом, нам с дороги не видны. Кузен жены Криса держит в Верне неподалёку от порта приличную, чистенькую таверну с комнатами для постояльцев. А если уж сам Крис приведёт постояльца, то этому гостю будет оказано просто несказанное благоприятие. Почти даром, разумеется.

Король Верна умер два года назад. Никто из горожан даже и не заметил бы его смерти, если бы об этом не было оповещено герольдом на ратушной площади. Со сменой королей спокойная и безопасная жизнь в Верне течёт не прерываясь. Мужского наследника престола умерший король не произвёл на свет. А принцесса Виолетта по древнему закону не может стать королевой, пока не выйдет замуж. До тех пор управление государством находится в руках главного министра. Впрочем, точно так же, как и при покойном короле. Государственный совет во главе с королём или королевой предпочитает просто утверждать решения министров. Так спокойнее.

Наверное, это и хорошо, что титулованное дворянство устранилось от управления государством и городом. Тут нужны способности, а не титул. Министров в королевстве подбирают как раз по пригодности и не важно, дворянин он или простолюдин. Нынешний главный министр – выходец из цеха кузнецов, а городской магистр – из цеха каменщиков.

Только вот с принцессой Виолеттой уже два года сплошная морока. Претенденты на её руку ходили в Верне первый год после смерти короля чуть ли не толпами, беспокоя своим количеством и выходками местных жителей. Постепенно потасовки между ними сошли на нет из-за бессмысленности. Никто ничего не выигрывал. Деньги кончились, и воинствующие легионы слегка и не слегка побитых потенциальных женихов рассеялись в тех же направлениях, из которых и прибыли за добычей престола. Принцесса словно ждёт кого-то определённого и поэтому отказывает любому из претендентов.

Мне стал понятен вензель «ВВ» на кошельке из синего бархата – Виолетта Вернская. И буквы вовсе не латинские. Вот это странно. Кошелёк-то мне оставили ещё до языковой коррективы. На нём должны бы быть другие буквы. Например, «VV».

Скрип нашей повозки перекрыл доносящийся сзади топот копыт быстро приближающихся и, судя по частоте стука, совсем не тягловых лошадей. Два всадника поравнялись с нами и придержали коней. Первым ехал молодой человек крепкого телосложения, примерно моего возраста с приятными чертами лица, пытливыми серыми глазами, остреньким носом, узенькими усиками, со столь же узенькой бородкой и растрепавшимися от ветра длинными, темными волосами. Барственная осанка, кольчужная рубашка с чеканными бляшками и длинный кинжал в богатых ножнах выдавали дворянское происхождение. Мне показалось, что я его где-то видел. Вернее, лицо такого типа. Только вот где?

Второй всадник средних лет, видимо, оруженосец первого. Блестящие доспехи и длинный меч хозяина приторочены к седлу и бряцают при каждом шаге лошади.

Крис стянул шляпу и слегка двинул головой сверху вниз, наметив поклон.

– Опять в город, Кристофер? – спросил молодой человек. – Всё ещё никак не переберёшься в Верн насовсем?

– Моё почтение, ваша милость. Никак не переберусь. Жене жаль оставлять хозяйство.

– Ну-ну, а кто это с тобой? – молодой человек с любопытством бросил на меня внимательный взгляд.

– Путешественник из дальней страны. Вот везу показать нашу столицу.

– Очень хорошо. Путешественников в Верне любят. Особенно тех, кто с деньгами!

Молодой человек развернул коня и послал его вперёд. Оруженосец рванул следом. Мне показалось, или молодой дворянин в самом деле на миг обернулся на скаку, глянув ещё раз на меня?

– Кто это? – спросил я.

– Молодой граф Казимир, – ответил Крис, напяливая шляпу. – Наша деревня на их землях.

– С тобой, я смотрю, он приветлив.

– Когда он был мальчишкой, то я прислуживал ему в графском замке. Да и господа, приехав в Верн, останавливаются в таверне у нашего родственника, где и я сам.

– У них нет своего дома в Верне?

– Нет. По моим соображениям, сейчас молодой граф уже, наверное, в седьмой раз двинулся покорять принцессу Виолетту.

– Тоже претензии на королевский трон?

– Пожалуй, трон ему меньше всего нужен. Бездёжно и страстно влюблён. А скольких женихов он своими руками отвалил от принцессы, то это знают лишь королевский лейб-медик да местные костоправы.

– Экий завязывается узелок!

– Что-что?

– Ничего. Скажи-ка, любезный Кристофер, а где это ты научился так складно, совсем не по-крестьянски изъясняться?

– Так там же – в господском замке. Учили молодого графа, и я попутно тоже учился.

Незаметно за разговорами мы и оказались у городских стен. Кованые ворота широко распахнуты. А локтях в пятидесяти от них в стене низкая и широкая арка, забранная толстой решёткой. В проем арки ныряет не очень широкая, но, похоже, довольно полноводная река. Проследив мой взгляд, Крис пояснил:

– В городе нет колодцев, но в каждый дом из реки приходит вода, – и чуть подумав, добавил: – и не только.

Что означает это «и не только», я понял чуть позже.

Двое стражников у городских ворот приветствовали нашего возницу как старого знакомого:

– Привет, Крис! Гони солентино за ввоз товара!

Возница нехотя полез в свой бездонный карман, но вдруг передумал:

– Я везу в город богатого иностранца. Стало быть, по закону мне положена от города награда в пятую часть его платы мне за провоз.

– Ладно, ладно, сколько он тебе заплатил?

– Пять солентино.

– Да ты с ума сошёл! Где ты видел такие цены за попутный подвоз?

– Синьор, – произнёс один из стражников, обращаясь ко мне, – сколько вы заплатили этому мошеннику?

– Ещё не заплатил, но заплачу пять солентино, как только проедем городские ворота. Так уж договорились.

– Надо же, с невнесением пошлины за ввоз в город товара получается шесть солентино за час пути! Даже если ты вёз попутчика от самой своей деревни. Проезжай скорее, пока мы тебя не поколотили за грабёж иностранцев!

Мы въезжаем в ворота и останавливаемся в тени городской стены.

Я вручаю Крису серебряную монету, которую он принимает с облегчённым вздохом, и спрашиваю:

– Хочешь заработать ещё одну?

– Ещё бы! А что делать?

– Во-первых, мне нужна пища и пристанище на ночь, а ты упоминал что-то о родственнике жены – владельце таверны. Во-вторых, ты покажешь мне город. Согласен?

– Конечно. Только мне сначала нужно развезти товар.

– Вот и поедem вместе.

Крис тронул вожжи, и мы с грохотом и тряской покатали по выложенной булыжником мостовой. От широкой площади у городских ворот расходились веером три улицы локтей по двадцать пять шириной каждая. Мы свернули в правую, полого поднимающуюся вверх. Грохот колёс стал намного тише, а тряска почти пропала. Улица вымощена ровным, почти плотно подогнанным друг к другу желтоватым, тёсаным камнем. Короткая трава, прорастающая меж камней мостовой, создаёт изящный, приятный глазу дорожный узор.

– Это улица ремесленников и торговцев. Она называется Рыночной, – пояснил Крис. – Каждая поперечная ей улочка принадлежит разным ремесленным цехам и торговым гильдиям. В Верне нет рыночной площади. Вместо площади – эта улица.

На улице чисто и спокойно, несмотря на обилие людей в похожих на театральные платьях и костюмах,двигающихся туда-сюда вдоль каменных и деревянных домов с лавками. Одни куда-то спешат, а другие останавливаются у лавок и придирчиво рассматривают выставленные товары. Мы сворачиваем в улочку с висящим на углу замысловатым желез-

ным сапогом и останавливаемся у третьего от угла дома. Крис соскакивает с повозки, и я тоже. Надо осмотреться, поразмяться.

Из дома выходит сухопарый старик в кожаном фартуке и подходит к повозке. Крис скидывает на мостовую несколько мешков. Старик развязывает один из них, вытаскивает из него коричневую шкуру, тискает, мнёт её, разглядывает на свету и даже нюхает. Наконец он удовлетворённо кивает головой и жестом приглашает нас войти в дом.

Большая комната со столом-прилавком. Запах кожи и, наверное, дёгтя, которым намащивают драгву. По стенам полки с образцами кожи и готовой обувью. За распахнутой дверью в другую комнату видны несколько мастеров, сосредоточенно работающих шилом и молотком. Цены на кожи, видимо, оговорены заранее, и хозяин мастерской уже отсчитывает Крису монеты. Его взгляд случайно падает на мои кроссовки, и рука с очередной монетой замирает на полпути. Крис оборачивается, понимающе кивает и говорит старику:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Старик молча кивает, заканчивает расчёт и подходит ко мне.

– Синьор не сочтёт за оскорбление, если я униженно попрошу посмотреть его башмаки?

– Не сочтёт, не сочтёт, – отвечаю я, мигом скидывая кроссовки.

Старик ставит их на прилавок и начинает сосредоточенно рассматривать, поворачивая из стороны в сторону, прощупывая и заглядывая внутрь.

– A-di-das, – прочитывает он по слогам, – Великий мастер этот Адидас! Нигде не видно прошивки подошвы, а лёгкость и мягкость какая! Словно воздушные. А кожа-то, а кожа-то верха какова! И подмётка по твёрдости чуть ли не каменная и в то же время почти прозрачная. Шкура дракона?

– Не знаю, – честно признался я, – может быть.

– Продайте мне. Готов заплатить за это чудо две, нет, три дексты.

– Даже не просите!

– Четыре!

– Не могу – подарок.

Чуть ли не на бегу напяливаю кроссовки и вскакиваю на козлы. Крис уже там и подстёгивает лошадей. Последнее, что успеваю заметить, – это чуть не плачущий старик-сапожник с выражением лица как у ребёнка, которому только что не купили удивительную игрушку.

– Пять, – доносится нам вслед.

– Теперь куда? – спрашиваю Криса.

– К виноторговцам, – и в удивлении вертит головой. – Пять декст! Надо же отказаться! Видно, ты и в самом деле не беден.

Молчу. Сворачиваем в улочку с виноградной гроздьёй на углу и сразу же останавливаемся. Из дома выскакивают пара здоровенных парней и без всяких разговоров пристраивают к повозке доски, скатывают три бочки, которые мгновенно исчезают в распахнутых воротах. Переваливаясь с боку на бок, из ворот выплывает фигура, сама похожая на бочку. Маленький, толстый и лысый мужчина степенно подкатывает к повозке и протягивает Крису деньги, которые мгновенно исчезают в его бездонном кармане.

– Теперь к портным – к Льюису, – и мы сворачиваем в улочку с гигантской иголкой на углу. Непривычная для человека советского мира чистота, обилие цветов на окнах и одна за другой – портновские мастерские и лавки торговцев тканями в непрерывном ряду. Подкатываем к одной из них. Я помогаю Крису снять с повозки оставшиеся мешки. Сами затаскиваем их в двери. На полках многоцветье маленьких и больших рулонов тканей и тонких кож, наверное, со всего света. Здесь тоже запах кожи, но приправленный уже не дёгтем, а воском.

У прилавка клиент в широкополой шляпе с пером беседует с хозяином – вероятно, самим Льюисом. А рядом наготове подмастерье с каким-то полосатым шнурком в руках.

– Привет, Крис. Что привёз? – хозяин, передав клиента помощнику, выходит из-за прилавка, развязывает первый мешок и вдруг замирает, раскрыв рот, глядя на меня. Крис, не заметив этой метаморфозы в хозяине, машинально произносит:

– Немного сукна и побольше полотна.

Потом чувствует, что происходит что-то не то, но всё понимает, проследив взгляд хозяина. Обречённо вздыхает и повторяет уже однажды произнесённую фразу:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Но хозяин уже не слушает его. Бросив мешок и сорвавшись с места, он начинает описывать вокруг меня какой-то ритуальный танец, приговаривая при этом:

– Какая прелесть! Какое простое и вместе с тем мудрое решение! Ничего лишнего. Движений не стесняет. А карманов-то, карманов-то сколько и все там, где нужно и для того, что нужно. О, и внутри тоже! Поразительно! Восхитительно! Неподражаемо! – он бесцеремонно и восторженно осматривает, ощупывает мою бесценную джинсу, не обращая внимания на позвякивающие в карманах монеты.

Хотя мне и льстит такое внимание к моей экипировке, тем не менее, я вкрадчиво прерываю восторги рыцаря иглы и утюга, стараясь быть максимально тактичным:

– Нельзя ли нижайше побеспокоить вас просьбой указать мне, где в вашем гостеприимном доме находится туалет?

– Что-что?

– Туалет.

– ???

– Ну, такая маленькая комната для отправления естественных надобностей.

– Ах, клозет, – с облегчением догадывается хозяин портняжного заведения, – конечно, конечно, прошу за мной.

Мы выходим во внутренний дворик, он указывает на симпатичную кирпичную будочку, крытую черепицей, и тоже тактично исчезает.

Стиль строения, разумеется, не деревенский, как у нас. Захожу. Мама родная – вот так сюрприз! Никаких характерных для заведений такого рода запахов. Посреди широкая, толстостенная керамическая ваза без дна высотой до колена, и там, внизу журчащий поток воды. Теперь ясно, что имел в виду Крис, говоря, что река несёт в город воду не только для питья. Понятна и чистота улиц, и отсутствие гнилостного смрада в воздухе, который неизбежен для поселений без канализации.

Возвращаюсь в мастерскую. Крис и Льюис уже рассчитались между собой, мешки куда-то унесли, а они оба ожидают меня явно с каким-то замыслом.

– Льюис хочет купить твой костюм для образца. Хорошо заплатит.

– Да-да, очень хорошо заплачу, – подтверждает местный модельер-конструктор и с надеждой, улыбаясь, смотрит на меня.

– И бесплатно сделает тебе другой костюм, какой захочешь, – добавляет Крис.

– Да-да, совсем бесплатно, – подтверждает местный Пьер Карден.

Нелепое положение. Отказать как-то неудобно. Сапожник не мог бы заменить мне кроссовок чем-нибудь, в чём можно появиться в своём мире. С джинсой – другое дело. Сшить можно что угодно. Только вот что я отвечу маме на вопрос о пропаже подаренного мне дефицитного костюмчика? Нет, продавать нельзя.

С другой стороны, Льюис, понятно, вознамерился сделать хороший гешефт на новой модели. Джинсы, конечно же, очень простая и удобная одежда, заведомо обречённая на успех даже в средневековье. Льюис никакого понятия об авторском праве иметь не может. Но и в этом мире, наверное, существуют какие-то условности относительно копирования чужих изделий. Иначе бы Льюис не заходил бы так издалека с покупкой.

– Ладно, – говорю я, – продать вам костюм, Льюис, к сожалению, я не могу.

Улыбка мигом сползла с его лица.

– Но, – продолжаю, – мы можем с вами заключить другую сделку. Вы к сегодняшнему вечеру сошьёте мне из тонкой коричневой кожи точно такой же костюм и доставите его, куда скажет вам Крис. В свою очередь, за такую услугу я позволю вам копировать мой костюм без каких-либо ограничений в любом количестве и материале. Подходят вам такие условия?

– Да-да, конечно, да. Пьер, Пьер, беги сюда!

И они с подмастерьем принялись энергично обмерять меня в длину и ширину с помощью полосатого шнурка. Крис подсказал адрес доставки заказа, и мы отправились дальше, свернув в улочку с вывеской в виде то ли рогатой коровы, то ли быка на углу. Здесь мы быстро справились с доставкой сыра, сдав торговцу по счёту пять корзин жёлтых шаров. Повозка опустела. Встал вопрос, куда двигать дальше. Смотреть город или устраиваться с кормлением и жильём? Время около полудня. Обедать рановато. Решили всё же заехать в таверну и застолбить за собой ночлег и обед.

Продолжая двигаться всё по той же Рыночной улице, незаметно перевалили её вершину, и мостовая, расширяясь, пошла на спуск. Отсюда меж домов уже видны морская синева и мачты кораблей в порту. Останавливаемся на половине спуска у симпатичного фахверкового¹ дома с заманчивой и пугающей вывеской «Морской дракон». На ней искусно нарисован какой-то зверь в волнах с огромной пастью, непринуждённо закусывающий двухмачтовым парусником. У дома – коновязь с парой верховых лошадей, а через распахнутые рядом с домом ворота видны дворовые постройки и распряжённая карета.

Заезжаем в ворота. К нам мгновенно подбегает мальчик и принимает вожжи у Криса. О лошадях можно не беспокоиться. Через заднюю дверь входим в таверну. Большой зал. Несмотря на немаленькие окна, здесь темнее, чем должно бы быть. Наверное, потому, что всё убранство в умеренных коричневых тонах, приглушающих свет. Отделанные деревом стены, балки перекрытия, потолок, столбы, поддерживающие второй этаж, стойка, двери, столы и стулья, лестница наверх покрыты грубоватой, но замысловатой и красивой резьбой. На стенах расписные тарелки, оружие и несколько картин с морем и кораблями. За стойкой изобилие разноцветных бутылок и бочонков с краниками. Уютненько!

Божественные запахи описать труднее. Жареное мясо, смешавшиеся запахи множества специй и ещё что-то совершенно неуловимое создают непередаваемо сказочный аромат, способный свести с ума не только голодного, но и сытого. Всё это впиталось в стены и живёт своей неизменной жизнью, не всегда, наверное, совпадающей с переменной кухонной.

К нам подскакивает чисто выбритый мужчина лет пятидесяти в колпаке с кисточкой на голове. Хозяин таверны и родственник жены Криса.

– Серж, – представляет меня Крис.

– Колин ван Берн, а для друзей просто Колин.

– Сержу нужна комната на ночь и стол на сегодня и завтра.

– Нет ничего проще. Всё есть в лучшем виде. И постояльцы вполне приличные, спокойные. Молодой граф Казимир, барон Шварц, вчера откуда-то прибывший для сватовства к принцессе, да две семейные пары, ждущие отплытия на корабле.

– И это ты называешь спокойствием? – взвился Крис. – Казимир и какой-то возможный жених в одном доме! Твоя таверна ещё цела только потому, что Казимир, наверное, не подозревает о сопернике под боком.

– Черт побери, но не мог же я отказать ему в постое!

– Да, конечно, не мог. Тащи вина, и будем надеяться на Бога.

Нектар – это не самая удачная характеристика тому вину, которое поставил на стол Колин. Правда, знаток и ценитель вин из меня никакой, но чувство вкуса у меня достаточ-

¹ Средневековый, немецкий архитектурный стиль.

ное. Разобраться, что хорошо, а что не очень, могу вполне. В запах поставленного на стол вина хочется погрузиться по уши и никогда оттуда не вылезать. А вкус... Нет слов! Сладкое, но не слишком. Со вкусом винограда, вишни, земляники и малины одновременно. Стоит только смочить кончик языка – и возникает ощущение, словно вкус с запахом взбираются по языку вверх, лаская органы чувств, проникая в нос, глотку, лёгкие, мозг. Это не питье. Это сумасшествие наслаждения от капельки.

Выходим с Крисом из таверны и неспешным шагом спускаемся к порту. Корабли, корабли, корабли... Большие и маленькие. Старые и новые. Простые и разукрашенные. Чистые и грязные. Крики чаек, запах просмоленных бортов и тяжеловатый дух гниющих водорослей.

Разгар дня – разгар портовых работ. Скрип снастей и корпусов кораблей. Катятся бочки с кораблей и на корабли. Тащатся ящики, бутылки, корзины. Рвутся верёвки. Падают грузы. Ругаются люди. А за всем этим – безбрежная синь спокойного моря и столь же безбрежная голубизна неба. Лёгкий ветерок с моря ласкает и приятно охлаждает кожу.

Знакомый Крису мастер цеха грузчиков сопровождает нас вдоль причалов, зорко следя за происходящим на них.

– Вот королевский военный фрегат, – говорит он, указывая на странного вида посудину, и добавляет: – Последний.

Парусов нет. Борта в зелени водорослей. Пушек нет и в помине в раскрытых портах. Команды не видно. Впрочем, нет – какая-то фигура в замызанной одежде выбирается из недр корабля. Лениво потягивается. Лениво подходит к борту. Лениво таращится на нас. Лениво сплёвывает за борт и лениво удаляется туда, откуда появилась.

– И это военный флот? – удивляюсь я.

– Флота уже давно нет за ненадобностью, – отвечает мастер, – не воюем уже лет сто. Сначала долго держали флот и армию на всякий случай. Но потом постепенно от них избавились. Королевский волшебник лучше армии и флота защищает границы, а обходится в тысячу раз дешевле.

Последний причал. За ним чистый песчаный берег с лениво набегаящими волнами. Здесь уже стоят несколько человек из портовых работников и разношёрстная группка горожан. Они что-то внимательно высматривают то ли на берегу, то ли в волнах. Мастер озабоченно взглядывает на солнце, видимо, прикидывая время, и отдаёт какую-то команду портовым. Те резво бегут мимо нас в ближайший склад и волокут оттуда стол, довольно вместительный бочонок и корзину кружек. Ставят стол на песок в приличном отдалении от людей. На стол водружают бочонок, расставляют десятка три кружек и бегут к нам.

– Сейчас вы увидите представление, – предупреждает мастер, – но лучше бы его не было.

– А что в бочонке-то? – спрашиваю у мастера.

– Тёмное пиво.

Ждём минуту, другую, третью... Вдруг поверхность моря вблизи берега заходила волнами, набежала на песок и... Что за черт! Не может такого быть! Но всё-таки есть, против-рай глаза или нет. «И тридцать витязей прекрасных из вод морских выходят ясных и с ними дядька их морской...» Вроде бы как-то так у Пушкина. Да, выходят, сверкая щитами и кольчугами. Да, именно тридцать. Сосчитано. Да, по подчинённости с дядькой своим бородатым. Или старшим братом по родству? Но они же не из этой сказки! Как сюда попали?

Группа вооружённой холодным оружием молодёжи, совершенно раскованно переговариваясь между собой, располагается на песке вокруг стола. Бородатый дядька с огромным мечом наливает себе кружку пива, одним духом опрокидывает себе в рот и, громко, удовлетворённо крикнув, утирает усы от пены. Затем начинает разливать пиво по другим кружкам и передавать своим подопечным. Встряхнув напоследок бочонок, дядька убеждается,

что сможет выщедить из него себе ещё с половину кружечки. Что и проделывает со всей тщательностью. Раздаётся львиный рык дядьки, группа молодёжи вскакивает, подхватывая щиты и мечи, строится и степенно уходит в море во главе со своим предводителем.

Я в полном обалдении. Ошибся Дом, смешав сказки? Или у меня где-то и когда-то мысли перепутались?

– И давно это чудо у вас появилось? – спрашиваю мастера.

– Наверное, с неделю. Как первый раз вышли, то всё порывались куда-то по берегу идти дозором и кого-то от чего-то охранять. Но никак не могли сообразить, в какую сторону идти. Всех перепугали настолько, что работы в порту остановились. Горожане в беспокойстве. Такая ведь неуправляемая силища – и прямо в столице! Пришлось мне с городским магистром и главным министром идти на переговоры со старшиной отряда. Сошлись на ежедневном бочонке пива за то, что они никуда не двинутся с этого места. Пока мы не выясним, куда им идти дозором и откуда. Здесь их оставлять совсем не хочется. Пока что мы ничего не узнали.

– Вы упоминали королевского волшебника. К нему обращались?

– Призывали. Он постоял, посмотрел и сказал, что это за пределами его возможностей. Само собой. Сказки-то разные.

– Надо подумать. Может, я смогу тут чем-то помочь.

– Вы волшебник?

– Нет, но раз ваш волшебник не смог ничего исправить, то дело совсем не в волшебстве.

Если я что-то придумаю, то вам сообщу.

От порта мы с Крисом возвращаемся в жилую часть города уже по средней из больших улиц. Мне всё больше и больше нравится этот чудесный городок.

– Эта улица называется Королевской, – начинает Крис.

– И ведёт к королевскому дворцу, – закачиваю я.

Мы переглядываемся и дружно хохочем. Проходим мимо строя богатых домов, украшенных колоннами, скульптурами, росписью, мозаиками, и оказываемся на обширной, круглой площади с фигуристым фонтаном на десять струй в центре её. Интересно, за счёт чего он работает? Водонапорной башни в округе не видать.

– Вот это городской магистрат, ратуша, – говорит Крис, указывая на вытянутое вверх четырёхэтажное здание со шпилем, – а это дом королевского волшебника.

– Разве он живёт не во дворце?

– Нет, там места маловато. Да вот и он сам, – кивнул Крис в сторону проехавшего мимо нас всадника.

Ну и волшебники в этой стране! Никакой седины, никакой бороды. Да и вообще – этот чисто выбритый человек вряд ли больше чем лет на пять старше меня. И ничего сверхъестественного и тем более зловещего в нем не чувствуется. Горожанин как горожанин. Разве что осанка преисполнена необычайного достоинства. Королевский волшебник проехал мимо, спешил у своих дверей и, не привязывая лошадь, скрылся в своём доме.

– Ну и дела! И этого я, кажется, тоже где-то видел, – я и не заметил, что произношу это вслух.

– Ты видел не его – Жозефа, а его младшего брата Казимира. Они очень похожи.

– Час от часу не легче. А почему же он не приютит брата, когда тот приезжает в Верн?

– Дом принадлежит королю, и по обычаю королевский волшебник всегда живёт один.

Обрати внимание. Вот и сам королевский дворец, напротив магистрата.

– Этот домик – королевский дворец?

– Он самый.

Наверное, я ничего не смыслю в королевских дворцах. Мы привыкли, что дворцы – это громадины Лувра, Эрмитажа или Эскуриала. Хотя, с другой стороны, и двухэтажный

домишко в Летнем саду – тоже дворец своего времени для Петра Первого. А этот гораздо внушительнее. Этажей три, а больших, двустворчатых окон второго этажа по фасаду – аж все девять. Прочие архитектурные атрибуты дворца в виде королевского герба, ажурных решёток, балкончиков, амурчиков и даже горгулий тоже имеются. Но всё это такое миниатюрное, хрупкое, миленькое, что издали похоже на игрушечное.

– Знаешь что, Крис, посиди у фонтана, а я схожу, представлюсь вашей принцессе. Очень хочется на неё взглянуть.

– Думаешь, тебя пустят?

– Не знаю, но попробовать стоит.

Подхожу к резным застеклённым дверям и привожу в движение бронзовый молоток. Тишина. Стучу ещё раз.

– Иду, иду, – глухо доносится из-за двери.

Лязг засова, лёгкий скрип дверных петель – и передо мной появляется человек лет шестидесяти в чёрном камзоле с усталым взглядом.

– Что вам угодно, молодой человек?

– Хочу засвидетельствовать принцессе своё почтение.

– Вы с ней знакомы?

– Немного.

– Жених?

– Нет.

– Тогда кто? Как вас представить?

– Серж, – шарю в кармане и протягиваю привратнику синий, бархатный кошелек.

– Вот даже как! А деньги из кошелька где?

– У меня.

– Ну да, ну да, конечно же, у вас. Казна почти пуста, а принцесса разбрасывает кошельки направо и налево. Серж, Серж, – повторил он, как бы что-то вспоминая. Глянул через моё плечо на фигуру Криса у фонтана. – Ах, ну да, иностранец, взвинчивающий цены на перевозки людей! Это же надо! Заплатить пять солентино за пару тысяч локтей пути на простой повозке! Впрочем, кошелек её высочества... Не жалко этих денег. Понимаю, понимаю. Заходите, – и он отступил в сторону, пропуская меня внутрь.

– А вы неплохо для привратника осведомлены о событиях в городе, – заметил я.

– Я не привратник. Я главный министр Герц и обязан все знать. Во дворце всё домашнему. Кто окажется ближе к дверям, тот и открывает. Если бы вам повезло, то открыла бы и сама принцесса. Идите со мной.

Пожалуй, Герц несколько преувеличивает печальное положение казны. По дворцу этого не скажешь. Всё убранство в идеальном состоянии и порядке. Нигде ни пылинки, ни признаков износа или пренебрежения. Везде свежие цветы, и не скажешь, что безлюдно. То здесь, то там промелькнут слуга или служанка с какими-нибудь атрибутами своей службы вроде подноса или метлы. Поднимаясь на второй этаж, я любуюсь окружающей красотой и изяществом интерьера дворца и пропускаю мимо ушей сетования Герца по поводу тягот управления государственными делами. Только когда он упомянул портовый инцидент с участием группы морских рыцарей неизвестного происхождения, я его прервал.

– Синьор Герц, вот как раз в решении этой проблемы я вам, скорее всего, смогу помочь. У меня на родине такие случаи бывали, и мне известно, как они разрешаются.

– Синьор Серж, вы просто не представляете, как мы все были бы вам благодарны. Такая помощь достойна королевского ордена, но, увы, вручать ордена может только король или королева. А принцесса Виолетта ещё не королева.

– Я вас понял, синьор Герц, и не претендую ни на какую государственную благодарность.

Герц заметно повеселел и потеплел.

Вот и скажи после такого дипломатичного финта, что Герц из кузнецов. Наградить тем, чего не может дать. Настоящий политик!

– Прошу вас сюда. Сейчас доложу принцессе.

Великолепная, в меру роскошная гостиная в бежевых тонах. Большой круглый стол и ваза с цветами на нем. Портреты и зеркала по стенам. Мягкие, удобные стулья и кресла. А это что? Клавесин или пиа...

– Здравствуйте, Серж, – раздался у меня за спиной ангельский голосок.

– Здравствуйте, Виолетта, – отвечаю я, ещё даже не полностью обернувшись.

Она, слегка улыбающаяся, в двух шагах. Теперь уже в зелёном платье. Целовать или не целовать руку?

– Не надо, Серж. Всё равно у вас по этикету не получится.

– Ну и не буду. Как вы догадались?

– По вашему озадаченному виду. Садитесь, пожалуйста.

Устраиваемся в креслах напротив друг друга. С минуту молчим. Принцесса прерывает паузу:

– Серж, вы волшебник?

– Почему вы так решили?

– Ваша книга. Когда я, гуляя, подобрала её, она была на каком-то непонятном языке. И ваши первые слова тоже ничего для меня не значили. А когда я приехала во дворец и опять раскрыла книгу, то оказалось, что я могу её читать. Великолепные сказки! Да и сейчас мы с вами разговариваем.

– Если тут и есть какое-то волшебство, то совсем немного и не моё. Важно, что всё сложилось как надо.

– Вы думаете, сложилось? И при этом именно как надо? Тогда раскройте секрет, Серж. Зачем было нужно, чтобы я вас ждала? Почему на прогулку меня потянуло так далеко от дома? Что подтолкнуло меня оставить вам свой кошелек? Вот теперь вы здесь – и что дальше? Я в вас не ощущаю ко мне любви и у меня к вам её нет, – и, на мгновение задумавшись, добавила: – Вроде бы...

Вот, что называется, вопрос на засыпку или взять быка за рога. Но ведь я сам всё это затеял, и нужно теперь как-то выкручиваться. Стараюсь попасть наугад.

– А вы уверены, Виолетта, что ждать нужно было именно меня? Может, моё появление говорит о том, что ждать какого-то чуда откуда-то совсем было не нужно? – тут я, конечно, малость кривлю душой. Но, что делать, неестественность ситуации как-то выправлять надо. Хотя бы для принцессы.

Теперь её очередь задуматься. И довольно надолго. Просто видно, как бушуют мысли в её очаровательной головке, а взгляд не отрывается от моего лица. В глазах интерес, постепенно переходящий в изумление. Принцесса резко встаёт и протягивает мне руку.

– Идите сюда, Серж, – и подводит меня к ближайшему зеркалу. – Вот ваше лицо. Добавьте к нему тонкую бородку и усы. Положите на голову длинные волосы. Кого увидите?

– Казимир? То-то его лицо мне показалось чем-то знакомым.

– А вы, Серж, не знали?

– Клянусь – нет!

– У старого графа только двое сыновей: Жозеф и Казимир. Откуда и кто вы?

– Из очень далёкой страны. В которую и вернусь. А может, и не вернусь. Мне очень нравится в Верне. Куплю на ваши, принцесса, деньги домик, найду работу. Я ведь неплохой механик. Или нет: куплю домик и буду заезжать в Верн иногда как гость.

Принцесса засмеялась.

– Вы, Серж, просто какой-то таинственный мечтатель, а мне нравятся мечтатели. Сама такая. Мы могли бы быть друзьями.

– Могли бы, – вздыхаю я, – если молодой граф Казимир не заметит между ним и мной сходства и не начнёт искать причин. Насколько я слышал, он влюблён в вас, Виолетта, и очень ревнив.

– Просто ужасно ревнив, а сегодня ещё и ужасно зол. Ведь я ему опять отказала. Вслед за бароном Шварцем.

– Значит, оба ужасно злы. И при этом оба остановились в «Морском драконе».

Принцесса побледнела.

– Он ведь убьёт его!

– Насколько мне известно, Казимир ещё никого от злости не убивал.

– Да нет же! Это Казимир для барона просто игрушка. Мария, Мария, быстро карету!

Мы слетаем вниз по лестнице и выходим на площадь. Кареты ещё нет. Принцесса в нетерпении стучит каблучком. Подбегает Крис. Обрисовываю ситуацию.

– Нужно взять с собой Жозефа. Он ко всему ещё и хороший лекарь, – предлагает Крис.

– Верно, – подтверждает принцесса.

– Вот что, Крис, – команду я, – стучи к королевскому волшебнику и тащи его быстро в «Морского дракона». Мы с принцессой вас ждать не будем. Вон уже карета.

Это была не скачка, а какой-то бешеный полет, в котором карета потеряла правую дверцу, соприкоснувшись со стеной дома в каком-то узком проулке. Чудом никого не сшибли, благодаря лужёной глотке кучера. От его криков народ разбегался на двести локтей впереди.

Вот и «Морской дракон». Останавливаемся. Я предупреждаю:

– Виолетта, не забывайте, что вы принцесса.

– Да-да, конечно.

Я выпрыгиваю в дверь без дверцы и галантно подаю ей руку. Принцесса чинно выходит, и мы не спеша влетаем в таверну. Мыслей в голове никаких, и я с порога небрежно изрекаю:

– Мы с принцессой проезжали мимо и слышали у вас в заведении какой-то шум. Решили взглянуть, в чем дело.

Колин, стоявший посреди зала, вроде хотел что-то сказать, но так и замер с открытым ртом. Шума, конечно, нет никакого. Уже нет. Молодой граф Казимир – один из наследников древнего рода неподвижно лежит на полу в углу зала. На всякий случай я придерживаю принцессу за рукав, чтобы она не бросилась к телу. Жалобно заскрипела лестница. Вниз спускается человек-гора чуть ли не четырёх локтей ростом и полутора локтей в плечах, за которым слуга тащит сундук. Человек-гора подошёл к принцессе и виновато потупился.

– Барон, что тут произошло?

– Простите, принцесса, но я только защищался.

Он бочком протиснулся в уличную дверь и исчез вместе со слугой и сундуком.

Вместо него вваливаются Жозеф и Крис.

– Жозеф, посмотрите, что с вашим братом, – распорядилась принцесса.

Тот встал на колени над телом и приложил ухо к груди лежащего. Затем осмотрел его голову и констатировал:

– Единственное лекарство, которое нужно – это ведро холодной воды. Колин, принеси!

Колин ожил, бросился во двор и мигом вернулся с ведром воды.

– Лей! – и ведро было опорожнено.

Тело зашевелилось и, демонстрируя признаки жизни, начало отфыркиваться от воды, попавшей в рот.

– Колин, что тут произошло? – требовательно спросила принцесса.

– Я сам в удивлении, ваше высочество. Граф Казимир влетел в таверну в своём обычном после визита к вам, принцесса, настроении. То есть злой как тысяча чертей. Барон как раз заканчивал обед перед отъездом. Граф подскочил к нему и закричал что-то в смысле: «За невестой прибыли? Дома своих не хватает?» или что-то в этом роде, но более образно и откровенно. Не при дамах будь сказано. Затем схватил со стола кубок и выплеснул содержимое барону в лицо. То есть граф думал, что выплеснет. Кубок был пустой. Но всё равно оскорбление. Барон небрежно приподнялся и сделал вежливый жест рукой. Как бы отвечая на обращение графа Казимира. Граф упал на пол как подкошенный. Никогда ещё такого не было. Обычно падали собеседники графа.

– Поучительная история, – заметил Жозеф. – Нашла коса на камень.

– Принцесса, прошу вас за стол, – предложил я, – а пострадавший пусть пока приходит в себя. Кстати, а куда он делся?

Только лестница скрипнула где-то наверху.

– Жозеф, Крис, принцесса приглашает вас разделить с ней трапезу. Колин, твоего чудного вина и всё, что есть на плите, тащи сюда! Обед давно прошёл, а мы ещё не ели.

Правда, не обедали-то мы с Крисом, а остальные – не знаю. Жозеф предложил принцессе стул, а Колин торжественно принёс тонкой чеканки кувшин и стаканчики на расписном подносе.

– Какое небывалое вино! – восторженно пропела принцесса своим ангельским голоском, – у нас во дворце такого нет.

– У вас во дворце много чего нет, – послышалось откуда-то сбоку.

Появился Казимир, таща за собой стул, и уселся справа от принцессы. Успел как-то переодеться в сухую одежду. Левый глаз уже заплыл, а глазница посинела.

– Колин, ещё стаканчик!

Два... нет, три стаканчика подряд залпом – это варварское надругательство над божественным напитком.

– Казимир, вы меня очень огорчили.

– Виноват, принцесса! Больше не повторится.

– Надеюсь, что не повторится, и даже – скорее всего. Барон ведь уехал.

Сидящие за столом прыснули от смеха, а виновник чисто по-мальчишески покраснел.

– Чтобы вас защитить, Казимир, я сегодня же издам указ о прекращении соискания моей руки.

– Вы очень добры, принцесса.

– Вы даже и не подозреваете, Казимир, насколько я добра именно к вам. Я даже позволяю вам повторить сегодняшнюю попытку сватовства. Но не ранее, чем через две недели. Когда с вашего лица исчезнут следы пребывания в нашей стране барона Шварца.

Воцарилось молчание. Такого поворота никто не мог и ожидать. Жозеф в облегчении вздохнул. Казимир в обалдении застыл. И тут начали подносить блюда и тарелки...

Чего тут только не было! И целиком зажаренная на вертеле курица. И нежнейшее тушёное мясо без единой жиринки. И только что прокопчённый свиной окорок. И тающие во рту сосиски размерами с небольшие колбасы. И бульоны из птицы и не птицы. И запечённые на курином жире клубни диковинного ещё пока в Верне овоща – картофеля. И целая дюжина кастрюлек с соусами и приправами. И ещё куча разных блюд, в происхождении и составе которых мне так и не удалось разобраться. Но, в общем, – явно не рыбный день.

С таким вином, закуской и сотрапезниками время летит незаметно. Даже если обмениваться только междометиями, отмечающими качество блюд. А больше ничего и не требуется, когда перед вами происходит спектакль любовного ухаживания и его притягия.

Казимир старался вовсю. Отрезал и вырезал принцессе самые лакомые кусочки. Предлагал попробовать тот или иной соус. Подливал вина. А когда дело дошло до десерта, то

выбирал и очищал самые спелые плоды. Принцесса сдержанно, но благосклонно принимала эти знаки внимания, и только когда кавалер отворачивался, лукаво и заговорщицки улыбалась мне. Крис как заворожённый созерцал это действо. Жозеф сосредоточенно молчал, а я время от времени смотрел по сторонам.

Заведение постепенно заполнялось народом. Многие узнавали принцессу и подтверждали это, сняв шляпу, небольшим поклоном. На что она в ответ вежливо кивала. Стало шумнее, а в дальнем углу появились музыканты и стали тихо наигрывать что-то нудное.

Идиллию нарушил Герц, материализовавшись из ниоткуда.

– Ваше высочество, во дворце беспокоятся, куда вы пропали.

– Провожу время с друзьями, господин министр.

– Но ведь уже десять часов вечера!

– Да-да, вы правы. Пора домой. Казимир, распорядитесь, чтобы подали мою карету.

Серж, проводите меня, пожалуйста.

Мы вышли на улицу. Жозеф и Крис остались за столом, а Герц поспешил к своей коляске.

– Спасибо вам, Серж.

– И вам спасибо, Виолетта.

Она удивлённо приподняла брови, но промолчала. Подкатила карета. Оторванная дверца оказалась уже на месте. Казимир выскочил изнутри.

– Я вас провожу, принцесса.

– Не надо, Казимир. Мы сегодня достаточно времени провели вместе, – и протянула ему руку для поцелуя.

Карета скрылась, а Казимир отцепил от коновязи свою лошадь, вскочил в седло и не спеша двинулся по улице вниз, в сторону порта.

За столом всё те же. Только Крис уже клюёт носом.

– Крис, может спать пойдёшь?

– Пожалуй, пойду, – и, слегка спотыкаясь, побрёл к лестнице на второй этаж.

– Мой братец, наверное, решил прогуляться от избытка чувств?

– Ага. Жозеф, у меня такое предчувствие, что вы не прочь меня расспросить о чем-то.

Жозеф достал трубку, не спеша набил её табаком, прикурил от свечи, затянулся и пустил в потолок густой клуб дыма.

– Серж, а у меня такое предчувствие, что вы мне не скажете даже, ни кто вы, ни откуда, ни зачем.

– Пожалуй, не скажу.

– Поймите, – это не просто досужее любопытство. На мне защита государства. Мне известно, что вы никогда не были в Верне, а принцесса не покидала Верна. Вдруг вы появляетесь неизвестно как, и оказывается, что вы чем-то связаны с принцессой. Причём до такой степени, что, мне кажется, имеете прямое отношение к событию, произошедшему сегодня за этим столом. Мало того. Вы очень похожи на нас с братом. Хотя, например, он этого не заметил. Всё это очень странно. Не находите?

– Нахожу. Но странность не преступление.

– Верно. Успокаивают две вещи. Вы не волшебник – это точно. И от вас не исходит никакой опасности. Уж я-то в этом разбираюсь.

– Жозеф, если опасности от неизвестности не исходит, то пусть она неизвестностью и остаётся.

– Вы думаете, что волшебники до такой степени не любопытны? – с улыбкой спросил Жозеф. – Ладно, пусть будет по-вашему. Храните свою тайну. Однако и у вас есть вопросы ко мне. Правда?

– Совершенно справедливо. А вопросов два. Вы совсем не похожи на волшебника. И второе. Как вам такую благополучную страну удаётся сохранять без армии и флота?

– Вы, Серж, наверное, представляете себе седобородых, умудрённых годами, опытом и учением волшебников из сказок. На самом деле волшебником нужно просто родиться, и возраст тут играет малое значение. Что вызывает рождение волшебника и почему он может явиться на свет в любой семье? Этого никто не знает, и я в том числе. Может, просто потому, что в нем возникает нужда? Мы не живём больше других людей и так же, как все, болеем и умираем. Мой предшественник умер семнадцать лет назад в возрасте всего шестидесяти пяти лет.

– Вы хотите сказать, что...

– Совершенно верно. Я занял должность королевского волшебника в двенадцать лет. Ну, а что касается вашего второго вопроса, то наша страна потому и благополучная, что не тратит ничего на армию и флот. Нападать на кого-то с целью грабежа побуждает корысть. А если эта корысть ещё имеет и власть, то жди большой беды. В обязанности королевского волшебника входит наблюдение за появлением в сопредельных странах опасных корыстных побуждений у людей, облечённых властью. Когда знаешь, что и у кого, то не сложно и воспрепятствовать заранее.

– Как это невинно звучит – воспрепятствовать. Я уж не рискую спрашивать, что за этим кроется.

– И правильно делаете. А теперь я отвечу на не заданный вами вопрос. Постеснялись, наверное, спросить. У волшебника должна быть определённая этика. Волшебник может многое, но он должен хорошо понимать, во что вмешиваться можно, а во что – никогда.

– Это вы к чему?

– К тому, почему я не вмешиваюсь в отношения между принцессой и братом. Хотя и мог бы.

– Жозеф, вы просто кладёшь мудрости. Это я совершенно без иронии.

– Спасибо. Вы когда отбываете, Серж?

– Завтра где-нибудь во второй половине дня. Нужно ещё успеть кое-что сделать.

– Ну да, ну да, в порту. Я приду посмотреть, как вы справитесь с тем, с чем не справился я. До свидания.

– Жозеф положил трубку в карман и вышел из таверны.

Таверна уже почти опустела. Только в углу небольшая компания доигрывает в кости. Колин дремлет за стойкой. Легонько пихаю его пальцем.

– А, что? – вскидывается он.

– Колин, мне бы тоже поспать.

– Сейчас устроим. Жанна, Жанна, проводи синьора в его комнату.

Какая симпатичная и стройная девица! Даже более чем симпатичная. Тонкие черты лица, на котором синие глаза кажутся просто огромными. Нежные губки совершенно правильной формы. А какие прелестные ножки взбираются впереди меня по лестнице! Просто не верится, что такие ножки доводят постояльцев только до комнат. Попытать счастья?

– Вот, синьор, ваша комната. От портного принесли ваш костюм.

На крючке висит кожаное великолепие. Льюис постарался на славу. Пуговицы вообще бесподобные. Сделаны из монет в один солентино.

– Синьору ещё что-нибудь нужно?

– Нужно, – и начинаю приближаться к ней с видом, не оставляющим никакого сомнения в моих побуждениях.

Оплеуха была такой силы, что я полетел на кровать. Жанна погрозила мне кулачком и исчезла за дверью. Нет худа без добра. И лечь не надо – уже лежу. Хотя и обидно. Я же с хорошими намерениями...

Утром, подавая завтрак, Колин ухмыляется во всю физиономию.

– Что, Жанна разболтала?

– Ей и разбалтывать ничего не нужно. Все постояльцы ведут себя одинаково и всегда получают от Жанны одно и то же. А у тебя одна щека ещё пока толще другой.

Быстро расправляюсь с куриной ножкой, крылышком, пирогом и кружкой напитка, похожего на компот. Подхожу к стойке и спрашиваю у Колина:

– Крис ещё спит?

– Спихватился! Он уже давно домой уехал.

– Вот незадача! Я с ним ещё не рассчитался.

Достаю из кармана серебряную монету.

– Вот передай ему, пожалуйста, а то я скоро отправлюсь домой, – Колин сгребает монету в ящик.

– Что ещё?

– Ещё посчитай, сколько я тебе должен за всё вчерашнее и прочее. А также мне нужно три больших бочонка твоего вина с доставкой в порт к часу дня. Да, и ещё кое-что передать на словах мастеру цеха грузчиков в порту, – и я сказал, что передать.

– Сделаю, – и пошевелил губами, глядя в потолок. – Если с возвратом пустых бочонков, то всё будет стоить дексту и семьдесят пять солентино.

Выкладываю две дексты. Они отправляются в тот же ящик. В карманах ещё полно денег. Вспоминаю вчерашний разговор с принцессой.

– Колин, если бы я захотел купить маленький домик в Верне, сколько это могло бы стоить и, что бы ты посоветовал?

– Каменный или деревянный?

– Всё равно. Лишь бы понравился.

– Ну, например, каменный дом из пяти комнат и кухни может обойтись от сорока до шестидесяти золотых. Нестарый деревянный дом такого же размера – на десять-пятнадцать золотых дешевле.

Возвращаюсь в свою комнату, опустошаю карманы и пересчитываю капиталы. Сорок восемь золотых и сорок декст. Непостижимо. За книжку сказок на неведомом языке? Вполне могу стать домовладельцем. Нужно только вычестить из этого богатства расходы на содержание дома хотя бы в течение трёх лет. Да и оставить на непредвиденный случай тоже нужно. Спускаюсь обратно в зал.

– Колин, а сколько нужно платить приходящей служанке? Ведь нужен же присмотр за домом в отсутствие хозяина.

– Сорок-пятьдесят солентино в месяц. И не забывай о дровах. Это ещё семьдесят-восемьдесят солентино за зиму. Живёт хозяин или не живёт, а топить надо. Иначе дом быстро стареет, разрушается. Жанна, Жанна!

– Что хозяин?

– Твой дядя свой второй дом ещё не продал?

– Нет.

– Наш постоялец может его сейчас посмотреть?

– Ключ у меня.

– Тогда проводи его, – и, обращаясь уже ко мне, добавил: – Это здесь рядом, на соседней улице. Домик очень неплохой, – и уже в самое ухо шёпотом: – Если задумаешь брать, то больше сорока золотых не давай.

Пока идём, Жанна молчит и не смотрит на меня. Улочка светлая и тихая. Домик в два этажа, как на рождественской открытке – славный и весёлый. Только без снега. Июнь ведь. Первый этаж кирпичный, а второй деревянный. Балкончик с ажурным ограждением, весь в

цветах. Дубовая дверь с окошечком. Красная черепичная крыша с крошечными башенками по углам. Соседние дома чуть повыше.

В первом этаже просторная прихожая с лестницей на второй этаж. Комната побольше – столовая с изразцовым камином и окнами на улицу, и комната поменьше – рядом с кухней, окнами во двор. Туалет здесь же, рядом с кухней. Размером обширнее, чем я видел у Льюиса, и вдобавок ещё с огромной деревянной лоханью рядом с вазой-унитазом. Наверное, заменяет ванну.

На втором этаже две одинаковые большие комнаты на улицу и во двор. Великолепная резная мебель, включая большую кровать с пологом в комнате, выходящей окнами во двор. Критиковать нечего. Как же я буду торговаться?

Спускаемся с Жанной вниз и выходим во двор. Премиленный садик. Несколько вишнёвых деревьев, кусты шиповника, жасмина, сирени и цветочные клумбы. Две широкие скамейки и небольшая статуя амура в центре всего этого великолепия. Кованый забор с калиткой на соседнюю улицу, сплошь увитый плющом, как и вся задняя стена дома, кроме окон. Прилегающие боковые стены соседних домов слепые – без окон. Так что происходящее во дворе из посторонних видеть некому и неоткуда.

– Сколько твой дядя хочет за своё владение? – спрашиваю я Жанну.

– Пятьдесят золотых, – отвечает она, пряча глаза.

– Недурно. Мне нужно с ним поговорить. Как у вас в Верне оформляются сделки?

– Здесь немного дальше по улице – контора стряпчего. Вы можете подождать там, а я схожу за дядей.

Стряпчий есть стряпчий, где бы и когда бы он ни был. Это относится и к синьору Имриху. И внешность у него стряпчего, и контора у него стряпчего, и повадки у него стряпчего. Разумеется, он не хочет, чтобы сделка сорвалась. Не будет сделки – не будет барыша.

– Синьор Имрих, я готов без торга заплатить сорок золотых за дом, но никогда не буду платить пятьдесят. Вы понимаете ситуацию?

– Очень хорошо понимаю, синьор Серж. Взаимопонимание – основа моего дела.

Продавец пришёл довольно быстро. По нему не заметно, насколько скоро он двигался. Но Жанна запыхалась. Значит, он может быть очень заинтересован в быстрой продаже, раз так спешил.

Надо сказать, что синьор Имрих довольно энергично и умело взялся за дело. Буквально через три минуты дом стоил уже сорок восемь золотых. Ещё через три минуты – сорок шесть. А ещё через три минуты я стал его владельцем со всем содержимым за сорок четыре золотых.

Однако возникло небольшое препятствие. Одного имени Серж недостаточно для оформления купчей. Нужна ещё и фамилия. Записали «Серж Андерсен», и формальная сторона дела была соблюдена. Приложили к купчей большие пальцы правой руки. Я отсчитал сорок четыре жёлтые монеты, а дядя Жанны передал мне связку из шести ключей и ушёл. Два ключа от парадной двери, два от задней и два от калитки в заборе.

– Жанна, – спросил я, – ты могла бы, работая в таверне, присматривать за домом в моё отсутствие?

– Да, я и сейчас это делаю.

Тут же господин Имрих составил договор о найме на три года. Мы с Жанной приложили пальцы. Я отсчитал синьору Имриху на хранение необходимую сумму для выплаты Жанне ежемесячного жалования в течение трёх лет и покрытия хозяйственных расходов. Синьор Имрих написал расписку в получении денег на хранение. Жанна получила свои первые пятьдесят солентино, ключи от дома и отправилась в таверну. Я, раздумывая, смотрел ей вслед, пока она не скрылась за уличной дверью.

У синьора Имриха тоже неплохое начало дня.

- Синьор Серж, с вас за оформление сделок одна декста и пятьдесят солентино. Вполне разумная цена. Учитывая, что он сэкономил мне шесть золотых!
- Синьор Имрих, а сколько вы берете за составление завещания?
- Двадцать солентино.
- Тогда давайте займёмся делом, и я заплачу вам за все услуги две дексты.

Как опытный стряпчий, синьор Имрих быстро состряпал завещание Сержа Андерсена. По этому завещанию имущество в виде дома со всем содержимым переходит в собственность Жанны. При условии, что синьор Серж не будет замечен присутствующим на территории города Верна непрерывно в течение трёх лет. На этом мы с синьором Имрихом благополучно расстались.

Я вернулся в теперь уже собственный дом. Совсем другое ощущение. Медленно осмотрел все комнаты, мебель, предметы. Посуда, белье, полотенца, статуэтки, ящики, сундучки и шкатулки. Вот одна подходящая шкатулка в шкафчике в спальне наверху. Купчая, договор о найме, расписка, завещание прекрасно в ней поместились. Сюда же высыпал оставшиеся деньги. Четыре золотых и маленькую горсточку серебра. Нет, одну беленькую монетку оставляю в кармане на всякий случай. Убрал шкатулку в шкафчик.

Спустился во дворик. Сел на скамейку, достал блокнот и карандаш, нарисовал принцессу. Нет, это я хорошо придумал с домом. Отсюда можно исчезать незаметно и появляться здесь тоже. Ну, ладно, вроде пока всё.

Во дворе таверны меня уже ждёт довольно ёмкая двухколёсная тележка, запряжённая лошадью. Бочонки погружены. Мальчик-возница на своём месте. Взгромождаюсь на бочонки, и мы трогаемся к порту. На причалах обычная, будничная суeta. Соскакиваю с тележки и иду искать мастера цеха грузчиков. Он стоит на причале и лениво переругивается, похоже, с боцманом одного из кораблей. Увидев меня, он отмахнулся от собеседника и подошёл ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.